

К сожалению, купцы долгое время оставались в тени российской истории. Они редко выступали публично, поэтому их мнение было тайной за семью печатями для чиновников и интеллигенции. Купеческих мемуаров сохранилось немного, по сравнению с дворянскими дневниками и воспоминаниями; не везло им и в плане изучения¹. В них мало свидетельств об отношении купцов к власти, но они настолько яркие, что, будучи рассмотренными в историческом контексте эпохи, вполне объясняют прочное недоверие к государству московских промышленников.

¹ Аксенов А. И. Археографическое предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М.: РОССПЭН, 2007. С. 11.

© ЭКО 2008 г.

Власть и московские купцы в XIX веке: причины и последствия недоверия

С. Г. ВАЖЕНИН,

кандидат экономических наук,

В. В. СУХИХ,

*Институт экономики Уральского отделения РАН,
Екатеринбург*

E-mail: svazhenin@mail.ru

Благодаря опубликованным купеческим мемуарам и научным исследованиям последних лет перед нами все ярче предстает образ Москвы купеческой, где без всякой государственной поддержки купцы смогли построить промышленность европейского уровня, добиться процветания и изобилия в городе. Москва с помощью купцов-меценатов была на высоте культурных достижений эпохи: «Именно в Первопрестольной, удаленной от иностранного влияния и бюрократического контроля со стороны Петербурга, российский предпринимательский капитализм пережил свой расцвет»².

Но за рамками исследований и восторженных статей о купцах остается тот факт, что именно деятели из московских купеческих родов – С. Т. Морозов, А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов и др. – многое сделали для того, чтобы имперское государство ушло в небытие. Причины настороженного отношения этих купцов к власти кроются во взглядах их отцов и дедов – поколения московских купцов XIX века, которое отличалось недоверием к правительству.

Государство и купцы

Для российского народа государство в XIX веке олицетворял, прежде всего, монарх, богопоставленный и потому пользующийся абсолютным авторитетом. Но среди московских

² *Уэст Дж.* Москва купеческая в историческом контексте // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии. М.: РОССПЭН, 2007. С. 23.

купцов было много старообрядцев или выходцев из старообрядческих родов, что снижало для них авторитет царской власти. Сильнейшие гонения на старообрядцев при Николае I, вплоть до запрета записываться в московские купцы, не могли добавить доверия к власти, и без того считавшейся в старообрядческой среде антихристовой. Гонения сказались на самых известных родах. Например, Ф. А. Гучков в 1854 г. был выслан из Москвы как активный деятель старообрядчества. Его старший сын Е. Ф. Гучков, вскоре ставший московским городским головой, был вынужден официально перейти в единоверие, чтобы сохранить свои торговые дела, но продолжал поддерживать старообрядцев³. Неудивительно, что через полвека одним из активнейших лидеров оппозиции в России станет А. И. Гучков, правнук Ф. А. Гучкова.

Московское купечество имело и другие веские причины не доверять власти. Мотивы действий правительства были совершенно неизвестны. Не заботясь о доведении своих решений до общества, правительство не снисходило и до консультаций с купечеством по торговым делам. Выдающемуся экономисту начала XIX века адмиралу Н. С. Мордвинову приписывают следующие слова: «Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей, но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда не видит ни в чем прочного ручательства, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят и пустят по миру. Можно принять меры противу голода, наводнения, противу огня, моровой язвы, противу всяких бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства – решительно нельзя принять никаких мер»⁴.

Только за 1810–1822 гг. четырежды менялись таможенные тарифы, а действия Министерства финансов вогнали промышленность и торговлю в паралитическое состояние. Декабристы на следствии как на одну из причин своего выступления указывали на недовольство купечества, в частности,

³ См.: *Гучков А. И. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936 гг.* СПб.– М.: Лимбус Пресс, 2005. С. 77–85.

⁴ Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М.: Худ. литература, 1990. С. 176–177.

Г. С. Батеньков утверждал: «Чаще всего в сие время бывал я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемены»⁵.

Повлиять на правительство или, тем паче, оказаться в его рядах купцы не могли. До 1905 г. лишь единственный раз сумасбродством Павла I купцы были приглашены в правительство. 13 сентября 1800 г. было утверждено «Постановление о коммерц-коллегии», фактическом министерстве торговли и промышленности. Из 23 членов 13 было предписано выбрать купцам из своей среды (из Санкт-Петербургского и Московского городских правлений). При этом Павел I и купцы обменялись большими любезностями. Царь просил у купцов «замечаний, какие к лучшему своему сведению всех обстоятельств торговли признают нужными», купцы же восхищались «неслыханным милосердием» императора, призывающим «класс людей, донныне от престола монаршьего удаленный». Возмущение среди дворян этой мерой было настолько велико, что после смерти отца Александр I на пятый день своего царствования объявил: «Признав, что помещение в коммерц-коллегии членов, избираемых из купечества, не только для усовершенствования пользы торговли безуспешно, но и для самого купечества, отлученного сим образом от промыслов и упражнений, им свойственных, разорительно, повелеваем: оставя в той коллегии членов, от короны определенных, всех прочих, из купечества на срочное время избранных, отпустить в их дома, и впредь подобные выборы прекратить»⁶.

Правительство, отказавшись от советов купечества, не давало никаких обещаний загодя извещать о своих решениях. Только на втором общероссийском торгово-промышленном съезде 1872 г. в Москве министр финансов М. Х. Рейнхард пообещал, что «купечество может быть уверено, что, доколе он будет министром финансов, ни одна мера, касающаяся промышленности, не спадет на нее как снег на голову». Он же стал создавать совещательные организации промышленников, контакт

⁵ Восстание декабристов. Документы. Т. XIV. М.: Наука, 1976. С. 102–103, 183.

⁶ См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М.: Мысль, 1988. С. 392–393.

с которыми позволял Министерству финансов учитывать мнение предпринимателей в проведении экономической политики⁷.

Но это не решило проблемы – действия правительства были почти неизвестны даже тем лицам, которых касались напрямую. Выдающийся отечественный экономист академик И. И. Янжул, работавший в 1882–1884 гг. в подчинении Министерства финансов московским инспектором над занятиями малолетних рабочих, вспоминал: «Меня больше всего поражало у большинства посещаемых фабрик очень долгое время крайнее невежество и незнание там о намерениях правительства относительно предлагаемого вмешательства в фабричную жизнь и об изданных фабричных законах. Много месяцев спустя в Москве и несколько лет спустя в провинции на мои вопросы фабрикантам или управляющим и доверенным, слыхали ли они что-либо о намерениях правительства установить новые правила и ограничить работу малолетних, обычно я получал ответ: “Нет, ничего не слыхали”. И говорилось это искренне...». Даже важнейшие документы – «Правила исполнения законов для фабрикантов» и «Инструкции чинам инспекции по надзору за занятиями малолетних», вышедшие в конце 1884 г., не были разосланы по фабрикам, а потому выполнялись крайне медленно.

Новое фабричное законодательство, утвержденное 3 июня 1886 г., как и другие правила, разделили эту участь: «Оказалось, что эти “правила” на огромном большинстве фабрик совершенно неизвестны, так как их в свое время не рассылали и не распространяли, и пришлось опять повторять ту же вечную при наших начинаниях сказку о белом бычке. “Слыхали вы о таком законе? Знаете ли о таком распоряжении?” сыпались вопросы по адресу фабрикантов. “Нет, мы не слыхали о таком законе; нет, мы не знаем его”»⁸.

Впрочем, на равнодушие власти купцы в первой половине XIX века отвечали тем же. «Встречающиеся в мемуарных произведениях купцов известия о тех или иных государственных деятелях (часто – о приездах представителей царствующего

⁷ См.: *Мартынов С. Д.* Государство и экономика: система Витте. СПб.: Наука, 2002. С. 39.

⁸ *Янжул И. И.* Воспоминания // Янжул И. И. Избранные труды. М.: Наука, 2005. С. 200, 204, 207.

дома) почти не окрашены в эмоциональные тона. Не будучи связанными служебной зависимостью, в отличие от дворян, купцы и не заискивают, и не преклоняются перед властью. Они о ней почти и не пишут»⁹.

Особенностью московского купечества была слабая зависимость от государственного покровительства. «На экономический рост московских текстильных фабрикантов, в отличие от петербургской буржуазии, слабо воздействовали такие внешние факторы, как государственная поддержка и иностранные инвестиции». Еще меньшей эта зависимость была у старообрядцев, предпочитавших вообще не иметь дел с государством: «История накопления капитала у предпринимателей-старообрядцев, как правило, не была связана с правительственными заказами, государственным железнодорожным строительством и винными откупам. Старообрядческий капитал – это капитал, накопленный чаще всего в результате торговых операций»¹⁰. Таким образом, государство для московского купца не было ни покровителем, ни торговым партнером. Не видя от него никаких благ, купцы, помимо экономических потерь, терпели от правительства моральные унижения.

Власть, особенно при Николае I, всячески стремилась указать купцам их место: даже богатые купцы не могли быть равней дворянам. Массонским и декабристским кружкам ставилось в вину уравнение дворян и купцов: «В этих ложах господствовал дух братства, равенства и свободы, и подготовлял дух Русских к духу безначалия, независимости и своеволия. Богатый купец, молодой офицер, называя в ложе братом вельможу и своего командира, очевидно, терял уважение к его званию и власти и вне ложи, даже на службе»¹¹.

Решились даже на переписывание русской истории. После 1812 г. на волне патриотизма был вновь восславлен нижегородский купец К. Минин, спасший вместе с князем Д. Пожарским Россию от Смуты. На собранные по всенародной подписке

⁹ Аксенов А. И. Археографическое предисловие. С. 13.

¹⁰ Петров Ю. А. Московский деловой мир на рубеже XIX – XX вв. // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии. М.: РОССПЭН, 2007. С. 10.

¹¹ Записка о крамолах врагов России // Русский архив. 1863. № 43. С. 1350.

деньги скульптор И. П. Мартос создал знаменитый памятник, установленный в 1818 г. на Красной площади перед торговыми рядами. Скульптор изобразил момент, когда Минин, указывая рукой на Москву, вручает князю Пожарскому меч и призывает его встать во главе русского войска. Символично, что именно купец как выразитель народного мнения показан вдохновителем ополчения. При Николае I купец уже не мог вершить государственные дела, поэтому в пьесе Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834 г.) К. Минин бессилен что-либо сделать без дворян. Понимая, что дворянам он не ровня, не брат, а раб их, Минин, приглашенный на совет, отвечает: «Но я не сяду, нет – я мещанин, позвольте мне, великие бояре, внимать вам, стоя у дверей». Пьеса очень понравилась Николаю I, и московский литератор Н. А. Полевой, сын купца и сам купец в молодости, жестоко поплатился за критический отзыв о ней в своем журнале «Московский телеграф»¹² – журнал был закрыт.

Подобные нападки были тем более обидны, что на фоне дворян и чиновников купцы (исключая откупщиков, делавших деньги на обкрадывании государства при помощи казенных подрядов и нужных чиновников) были образцом честности и доверия в делах. Дворяне с легкостью обманывали купцов, так что порой правительству, при всем пиетете к сословным интересам, приходилось одергивать наиболее зарвавшихся. Например, в 1805 г. император Александр I дал именной указ Сенату «О неустойках с помещиков, заложивших свои имения».

В указе говорилось: «По делам в Сенате видно, что некоторые из помещиков, заложивших свои имения в Государственные банки и другие казенные места, при исправной уплате в назначенные сроки части капитала и процентов, имея заложенные деревни в полном своем управлении, входят сами и через уполномоченных своих в условия на поставку различных продуктов, но, не выполнив условия договоров, подвергаются судебными приговорами к денежным взысканиям, от платежа которых отказываются, ссылаясь на то, что их имения заложены. Принимая во внимание, с одной стороны, право

¹² См.: *Гозенпуд А. А.* Российский оперный театр XIX века (1836–1856 гг.). Л.: Музыка, 1969. С. 20–21.

помещиков, которые отдачу деревень своих под залог не лишаются свободы производить хозяйственные в них обороты, благодаря которым и сам доход на уплату процента и капитала собирается, а с другой – пользу занимающихся купеческим промыслом и важность общего в торговле доверия, для поддержания коих необходимо нужно договоры сохранять свято и ненарушимо, Повелеваем: в случае неустойки в оных взыскание обращать на то самое имение, до которого неисполненные условия относиться будут...»¹³. Современники единодушно отмечали честность купечества по сравнению с дворянством, которое удивлялось такой патриархальности нравов¹⁴.

Николай I считал, что дворянин даже внешне не должен ходить на купца. Когда представители известных дворянских фамилий Н. П. Огарёв и его друзья Тучковы решили под влиянием идей Сен-Симона заняться торговой деятельностью, завести заводы и вести себя как купцы (прежде всего отрастить бороды), реакция властей последовала незамедлительно. «Пришла официальная бумага от губернатора к Огарёву относительно его бороды; в бумаге было сказано, что “дворянину неприлично носить бороду” и, следовательно, Огарёв должен ее сбрить»¹⁵.

Московские купцы о власти

Зная об отношении власти к купцам, не приходится удивляться их поистине апокалиптическому видению государства. Например, И. И. Старинин, сперва купеческий приказчик, а потом бродячий московский книготорговец, вспоминал о разговорах 1880-х годов: «До посещения интеллигентных кружков я не имел ни малейшего понятия о государственных устройствах и правительствах, не имел никакого понятия, что такое конституция, и что такое самодержавие и бюрократия. Я даже до сего времени и не замечал о существовании какого-либо правительства. Правда, еще будучи

¹³ О неустойках с помещиков, заложивших свои имения // *Власть*. 2005. № 46. С. 72.

¹⁴ *Важенин С. Г., Сухих В. В.* Доверие в российской торгово-промышленной среде XIX – начала XX веков // *ЭКО*. 2006. № 6. С. 168–182.

¹⁵ *Тучкова-Огарёва Н. А.* Воспоминания. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 83.

мальчиком у купца Сафронова, я помню, как Петр Гурьич громил всякое правительство и всякую власть земную, на основании Апокалипсиса он называл одну власть страшным драконом с огромнейшим хвостом, которым он выхватывал даже звезды с неба, то громил другую власть, применяя ее к огромному зверю с семью головами и десятью рогами; то говорил и о мелкой власти, приравнивая ее также по Апокалипсису, к скорпионам, жалящим на смерть. В то время разговор Петра Гурьича о фантастических властях я слушал с увлечением, но никак не думал, что Петр Гурьич говорил о существующей власти»¹⁶.

Даже образованные купцы боялись власти, как адава огня, стремясь никак не выделяться и иметь с ней как можно меньше дел. А. Е. Найденов, родившийся в 1789 г., стремился к образованию и приобрел немало сведений по различным отраслям знаний, читал много русских и французских научных книг, любил театр и внимательно следил за внешней политикой. Он был другом купеческого сына М. Н. Верещагина, которого московский губернатор граф Ф. В. Ростопчин 2 сентября 1812 г., ложно обвинив в государственной измене как французского шпиона, выдал разбушевавшейся толпе, дабы самому суметь сбежать. До последнего лицемерно утверждавший, что Москву французам не сдадут, граф погубил своими лживыми заявлениями множество людей, которые потом были вынуждены срочно бежать из внезапно оставленной столицы, лишаясь не только имущества, но зачастую и жизни. Ф. В. Ростопчин тем не менее остался безнаказанным. Неудивительно, что А. Е. Найденов всю свою последующую жизнь «был скрытен и чуждался постороннего общества, остерегаясь всякой случайности быть на виду»¹⁷.

Власть представлялась, прежде всего, привилегией дворян, использующих ее не на благо страны, а в своих корыстных целях. По воспоминаниям Н. П. Вишнякова, «отношения купечества к дворянству, как к сословию правящему, привилегированному, замкнутому в себе и заинтересованному

¹⁶ *Старинин И. И.* Записки библейского книгоноши // Голос минувшего: журнал истории и истории литературы. 1914. № 11. С. 206.

¹⁷ См.: *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2007. С.31–32, 69–70.

в преследовании лишь своих узкословесных целей, было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательства. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такую же редкостью, как купца или купчиху в дворянской».

Но сильнее, чем правительство и знать, купцы ненавидели вполне близких и вредных чиновников. «...Еще враждебнее относилось купечество к чиновничеству. У меня сохранилось смутное воспоминание, что у нас говорили о магистрате, бургомистрах, ратманах, стряпчих, Управе благочиния, Совестьном суде и т. п. Разумеется, я очень мало понимал, но с самого начала у меня с этими словами стало соединяться представление о чем-то злом и нам враждебном, но вместе с тем сильным и беспощадном; постепенно у меня сложилось убеждение, что для успешной борьбы с этим злым началом нужны хитрость и деньги, а пуще всего деньги. Слово “взятка” стало мне очень рано известным. Нужно откупаться, платить, чтоб не выбирали в какие-то должности, в которые, однако, почему-то следовало быть выбранным; говорили, что должности эти крайне неприятные и опасные, не имеют ни малейшего отношения к нашим непосредственным нуждам, а навязываются извне, в силу каких-то законов и правил, выдуманных дворянами и чиновниками со специальной целью, нельзя ли нас, купцов, как-нибудь подвести, обобрать, разорить, пустить по миру. Опасно служить, потому что чиновники требуют взятку, а если их не давать, то они будут, как пиявки, сосать, вытягивать деньги, и тоже разорят. Не служить – куда лучше; это трудно, но не невозможно. Нужно только с кем-то тайком повидаться, кого-то пригласить, умаслить, угостить, кому-то “сунуть”, и этот кто-то, власть имущий, может устранить действие всяких законов и правил настолько, что потом беспокоить не будут и на службу не возьмут». Самым страшным оружием чиновников был суд, который при тогдашних нравах был долголетним и неправым: «Чем могли насолить нашему брату чиновники? О, я это знал еще ребенком: они могли отдать под суд кого и когда хотели, если с ними не жить в ладу, а быть честным».

К чиновникам относились как «к существам одинаково противным и вредным». Родители Н. П. Вишнякова пришли

в ужас, узнав, что его брат хочет взять в жены дочь чиновника¹⁸.

Однако при мизерном жаловании взятки и поборы часто были единственным способом для чиновника прокормить семью. Правительство, понимая пагубность взятки, покупало лояльность чиновников молчаливым разрешением мздоимства. Знаменитый князь-анархист П. А. Кропоткин вспоминал о ситуации 1860-х годов: «Один мой знакомый захотел основать в Петербурге одно коммерческое предприятие и обратился за разрешением куда следовало. Ему прямо сказали в Министерстве внутренних дел, что 25% чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15% – одному служащему в Министерстве финансов, 10% – другому чиновнику того же министерства и 5% – еще одному. Такого рода сделки совершались открыто, и Александр II отлично знал про них. О том свидетельствуют его собственноручные заметки на полях докладов государственного контролера (они были напечатаны за несколько лет в Берлине). Но царь видел в этих ворах своих защитников от революции и держал их, куда их грабежи не становились уж гласны»¹⁹.

Апогеем административного ужаса для московского купечества стало назначение генерал-губернатором Москвы графа А. А. Закревского, в 1848–1857 гг. оказавшегося полновластным хозяином города. Угрозы, поборы, мелочные регламентации, запреты, брань и побои обрушивались даже на богатых и уважаемых купцов. Уже после реформ Александра II и снятия страшного генерал-губернатора, попавшего в опалу, когда правительство само обратилось к купцам с предложением о сотрудничестве, они не решались связываться с властью. Когда Т. С. Морозов собрал в амбаре в Гостином дворе известных купцов и рассказал о предложении министра путей сообщения получить от казны в управление Николаевскую железную дорогу, то некоторые купцы, побоявшись вступать в конфликт с властями, «постарались незаметно уйти из собрания,

¹⁸ Вишняков Н. П. Из купеческой жизни // Московская старина. М.: Правда, 1989. С. 292, 295–297, 299.

¹⁹ См.: Голосенко И. А. Феномен «русской взятки» // Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. СПб.: Социологическое общество имени М. М. Ковалевского, 2002. С. 262–278; Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С. 229–230.

так сказать, подальше от греха, для чего незаметно опустились на пол и на четвереньках выползли из комнаты заседания, чтобы не быть замеченными»²⁰. Подобный страх, уже смешной для купцов конца XIX века, был порождением всей николаевской системы управления.

* * *

Недоверие к государству московских купцов сыграло роковую роль для царской России. Создавшие свои состояния без государственной поддержки и совместных дел с казной, верные старообрядческому духу, подкреплявшему недоверие к власти, предприниматели Москвы в начале XX века уже не верили попыткам правительства наладить с ними контакт, особенно при С. Ю. Витте. Потомственный московский купец П. А. Бурышкин вспоминал: «В торгово-промышленных кругах Москвы непопулярность царской семьи, конечно, весьма сильно сказывалась, но, помимо соображений общего политического характера, были и свои собственные основания для своеобразной фронды. Как это ни покажется странным, до самой революции (а в некоторых «обломках крушения» это настроение живо и поныне), в некоторой части так называемого высшего общества и крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение не только к торгово-промышленным деятелям, в огромном большинстве не дворянам и часто недавним выходцам из крепостного крестьянства, но и к самой промышленности и торговле»²¹.

Неудивительно, что память отцов и дедов о гонениях и презрениях, накладываемая на пусть и не столь уже ярко выраженное недоброжелательство знати, толкнула московских предпринимателей на активное участие в свержении монархии. Эволюция взглядов хорошо прослеживается на примере рода Морозовых: Савва Васильевич (1770–1860 гг.) начал дело, вероятно, с лихвой хлебнув горя от чиновников, Тимофей Саввич (1832–1889 гг.) уже осмеливался открыто выступать против предлагаемых правительством мер, Савва Тимофеевич (1862–1905 гг.) прямо финансировал большевиков.

²⁰ *Найденев Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. С. 95–108; *Вишняков Н. П.* Из купеческой жизни. С. 302–311; *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: НЛО, 1999. С. 158–161.

²¹ *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. М.: Современник, 1991. С. 264–265.

Summary

Pogosov I. A., Moscow

Inflation in Russia: Influence on Production, Profit and Capital

An influence of price growth on an increase in gross value added, volumes of production, profit and movement of capital is shown in this article on real statistical data.

Kazantsev S. V., Novosibirsk

A Project of Federal Budget for 2009–2011: Expenditures

The Ministry of Finance of Russia has developed a package of documents on consolidated and federal budgets, tax and budget policies during 2009–2011. According to analysis of these documents, their authors think that a fulfillment of the government obligations on provision of pensions is the crucial issue of a three years budget.

Perepechko L. N., Sharnina I. A., Novosibirsk

Innovation Activity and Patenting Problems

Innovation activity of academician institutes is linked with an intellectual property protection, so the clarity of patenting will speed up the technologies transferring process. The authors also discuss the changes which were introduced in academician institute innovation activity by the Forth part of the civil code.

Smirnov A. I., Katsik D. E., Panachev V. Yu., Krasnoyarsk

Large Corporation and Economic Safety: An Example of the Krasnoyarsk Region

The article presents the description of Russian large corporation peculiarities of development, their way to the world market, interests and priorities in the regions of the Russian Federation. The results of trends analysis in Krasnoyarsk region industrial sector in 1990s are presented.

Zalkind L. O., Serova N. A., Apateti

Investment Rating of Northern Regions

The article presents the results of investment processes analysis of Russian Northern regions in 1991–2007. It shows an investment rating of Northern regions based on two main indicators: investment status and investment activity. The leaders and outsiders of investment process are pointed out.